

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

01.01.2016

№1 (58) Январь 2016 года

С Н О В Ы М Т О Д О М! ТАМ РУССКИЙ ДУХ

В очередных краеведческих чтениях, проходивших недавно в Андреапольском музее, приняли участие краеведы из разных уголков Тверской области. Даже если только перечислить фамилии участников, станет ясно, какой высокий уровень имело это мероприятие. Среди выступавших, например, известнейший в области этнограф С. В. Моряков (Ржев); Л. М. Концедайло, член общественного совета по делам культуры Тверской области; А. А. Петров, старший преподаватель кафедры истории русской литературы филфака ТвГУ; научные сотрудники из ВИЭМ (Всероссийского историко-этнографического музея), созданного в Торжке в 1989 году по инициативе академика Д.С. Лихачева, - В. В. Цыков и О. Л. Францев. И многие другие. В списке 14 докладчиков.

Чтения объединили в себе материалы на неисчерпаемую тему «Родовое древо», потому и проводились в русле этой тематики уже в третий раз. В последних чтениях активное участие приняли и андреапольцы.

В помещении средней школы №3, где собрались на этот раз краеведы, поистине витал русский дух. Здесь можно было увидеть красавицу в настоящем русском наряде, представленном художником по костюмам О. А. Ковалёвой из Твери с помощью тверских студенток. На столах в конференц-зале разместились непривычные утвари: плетёные корзинки, глиняная игрушка и посуда, гончарный круг и прочие, незнакомые современному глазу предметы. И разговор здесь шёл о вещах совсем не повседневных. Говорили о народных промыслах, русских песенных, свадебных и праздничных традициях.

Вот на стол выкладываются большая глиняная корчага, деревянный желоб, ставится глиняный трёхлитровый кубанок. Это Александра Викторовна Яковлева рассказывает и показывает, как в луговских краях варили домашнее пиво. Напиток, по словам докладчика, не был слишком хмельным. Не градус был важен для производителей этого напитка, а вкус. По всему видно, что пьяный дебош в стародавние времена на Руси не одобрялся. Чтобы шума после выпитого на гуляньях не совершалось, умельцы настоятельно рекомендовали шубой корчагу с бродящим напитком не накрывать. А накрывалась она чистой льняной тряпичей. И процесс этот требовал много труда и времени: проращивание зерна, перемалывание его в муку, заготовка и рубка нужной соломы и так далее. Поэтому варили и пили пиво не часто, в основном, по престольным праздникам, своим в каждой округе.

А знали ли вы, что в русских традициях было приглашать на свадьбы колдунов? Причем и добрых, и злых, между которыми иногда разыгрывались на свадебном пиру целые состязания. Вот откуда черпались мотивы пушкинских сказок, например, о спящей царевне. Об этом интересно рассказала заведующая бельским музеем Г. И. Муратова.

Очень приятно было увидеть среди докладчиков и учительницу истории из средней школы №1 города Андреаполя Л. Г. Острадчук. Она рассказала о русских праздниках. Богатый и интересный материал собран ею на основе воспоминаний тёти и матери.

Со вниманием слушали выступления ученики из числа зрителей. Виден был их неподдельный интерес к событию. Были и докладчики-ученики. Песенный фольклор Хотилицкого края представила ученица 9 класса хотилицкой школы Анастасия Максимова, приехавшая на чтения со своим руководителем Ж. В. Алтуховой.

Наше поле с вашим рядом,
Наши ягодки зрелей.
Приходи ты мой хороший,
Будет сердцу веселей.

Это лирические попевки, собранные Настей у жительницы деревни Спиридово Марии Егоровны Павловой (в девичестве Яковлевой).

Аня Лицкевич из скудинской школы рассказала об уходящих праздничных традициях аксёновского края, в частности о танце «Семёновна». Девочки подготовили доклад вдвоём: Аня и Полина Дмитриева.

На несколько часов время в данном конкретном месте остановилось, вернуло вспять, в очередной раз показав нам всю значительность исконной русской культуры для понимания сути сегодняшней Руси.

М. ПЕТРОВА

• Улыбка из прошлого

Фамилия Харинские – андреапольская, знакомая. Встретилась она и в недавно вышедшей книге Л. В. Пажетновой «Чтобы знали, чтобы помнили...», в которой автор собрала материалы о родовых связях знатных торопчан – дворян, купцов, мещан. Среди них есть и Харинские.

А совсем недавно мы познакомились с потомком Харинских (по матери) – Александром Кротковым, живущим сейчас в С.- Петербурге, но связи с торопецкими землями не потерявшим.

Этот эпизод взят нами из заметок торопчанина Леонида Ивановича Харинского (1883 – 1957) "Мои воспоминания. Заметки из жизни Л.И. Харинского" скопированы нами со странички внука Л.И. Харинского А. А. Кроткова (с его разрешения), из его тематического альбома "Торопец – вечный зов". Заметки (5 тетрадей – 855 стр.) бережно сохранила дочь Л.И. Харинского, Елена. В 1975 г. она перепечатала 3 тетрадки заметок своего отца и подарила их Торопецкому краеведческому музею, где они и хранятся. В настоящее время внук Л.И. Харинского готовит воспоминания деда к публикации.

Кстати, его дед работал учителем в торопецкой школе.

Нам показалось уместным в Новогодье опубликовать в «Светлячке» одно из воспоминаний его деда, как раз касающееся гаданий.

Александр Кротков с этим согласился. Вдруг на эту публикацию откликнутся андреапольские потомки Харинского и дополнят свои воспоминания в историю старинного рода.

ВОТ ВАМ И ГАДАНЬЯ

...Мне вспоминается случай, когда я уже в зрелом возрасте пошутил над кормилицей [Александрой] моей дочки Леночки. Она любила одного военного человека, от которого имела уже недавно родившегося сына; но возлюбленный еще был на военной службе, и вопрос о "законном браке" и образовании семьи ещё решён не был. Естественно, что её мысли были направлены в его сторону. Воспользовавшись её настроением (а дело было тоже на святках), я предложил ей погадать на мое обручальное кольцо, но вызвать в кольцо, которое опускается в стакан с водой, тот или другой образ для неё я вызвался сам.

Она, конечно, согласилась. Воспользовавшись этим, я незаметно подложил под стакан маленькую картинку, изображавшую солдатика, и стал смотреть сверху в кольцо, стараясь быть серьёзным и не мигать (а в кольце уже была видна фигура солдатика). Через несколько минут я знаком подозвал её (кормилицу) к себе, осторожно отошёл от стакана и шёпотом предложил посмотреть в кольцо. Когда она это сделала, на её лице появилось большое изумление, и, не выдержав его, она шёпотом произнесла: "Ай-ай, военный!". Продолжать наблюдение было опасно (она могла разгадать мою проделку), и я взял стакан, а вместе с ним и картинку. Так в её сердце укрепилась надежда на осуществление своей мечты, а мое "гадание" осталось для неё тайной до того времени, когда она, действительно, вышла замуж за своего возлюбленного, вернувшегося в это время с военной службы. Тогда я ей открыл секрет моего гадания, и мы весело смеялись: она, довольная "выгаданным" ей счастьем, а я, довольный за неё и за удачу моей шутки...

Л. И. Харинский «Мои воспоминания»

На снимках: Л. И. Харинский; кормилица Александра с мужем Антоном (родом из под Мартисова), дочкой и внуком.

• На зиму подивись

Василий Рысенков,

Торжок – Любино

* * *

Звёзды стужей налились, посинели.

Сумрак инеем колючим зарос.

Спит коза в красноармейской

шинели,

Бережёт её хозяйка. Мороз!

Помечтаем о тепле, о весне ли...

От мороза в доме брёвна хрустят!

А козе в красноармейской шинели

Снятся дети, те, что летом гостят.

Мама вспомнит о погоде приметы.

Закурю, под лунный свет выходя.

Доживём... А вдруг у нового лета

Обязательство – ни дня без дождя!?

Да и что нам ожидать ту весну-то?

Я мечтаю, закрывая глаза,

Чтобы в вечность растянулась минута,

Где старушка и в шинели коза.

Татьяна Лапко

Андреаполь – Великие Луки

СНЕГ С ВАМИ

Открыв окно, на зиму подивись,

Ведь из тепла не хочется на холод.

А снегопад зовёт, конечно, ввысь.

Чем радуется, похоже, всех, кто молод.

Всё хорошо, раз любят чистый снег,

И я люблю, хотя мне ближе печка,

В моём жилище пища и ночлег,

Где снег собою убелил крылечко.

Он падал с наслаждением на тебя,

Пороша есть пороша, что же делать.

Он впечатляет больше с декабря,

Весной теряя собственную смелость.

Татьяна Головкина (Булкина),

Калязин - Андреаполь

ЗИМНИЙ СОН

Вот и снова зима

В моем тихом краю

Заметает метелицей белой.

Вспоминаю я снова юность свою.

Ах, какой же была я несмелой!

Помнишь тот медальон,

Что ты мне подарил?

На цепочке два тонких сердечка...

И не помнишь, наверно,

Уже позабыл,

В чьей шкатулке нашел он местечко...

Не сложилось у нас.

Да и что говорить –

Вот и головы стали седыми.

Дети, внуки, семья –

Только как позабыть,

Как забыть нас с тобой молодыми?

Я придумала все –

Ты прочти и прости –

Это все мне приснилось сегодня.

Все печали мои и напасти мои

Утонули в снегу прошлогоднем.

Людмила Леоненкова,

Белый

* * *

Синее, синее небо,

Голубоватый снег.

В них окунуться мне бы,

Забыв обо всем и всех.

А мне пристегнуть бы лыжи

И, как в восемнадцать лет,

Скользнуть бы к леску поближе,

Цепляясь за лыжный след.

И чтобы в леске том дальнем

Меня терпеливо ждал

Самый хороший парень,

Что меня милой звал.

Светлана Большенкова,

Нелидово

* * *

Опять встречаю Новый год.

Его приход так неизбежен.

Со смюю он коварно нежен,

А я совсем наоборот.

Я от щедрот его зверею.

Мне серебром его подарки,

Ну как усопшему припарки

Или нательный крест еврею.

То серебро совсем некстати

Он в кудри бросил, не на шею,

И я совсем не хорошею,

На хну последний рубль истратив.

Ещё встречаю Новый год

Свой эксклюзивно-персональный,

Но быть не надо гениальной,

Чтоб помнить, что затем грядёт.

Маргарита Петрова,

Андреаполь

Вина, блюда – пять минут до курантов,

Сплошь вакханки за накрытым столом,

Хоть клялись под Новый год хироманты,

Что Дионисы пойдут косяком.

Да куда там, лица зря молодили.

Устремился даже древний сосед

К фее юной в полушубочке стильном.

«Пирожки-то наши ел, дармоед»!

ДИНКА И ЛЬДИНКА

Рассказ

Динка вышла во двор мерить лужи. Накануне она уже мерила лужи вместе с Севой из сорок четвёртой. Сева нашёл самую глубокую лужу во дворе, и поэтому сегодня сидел дома под арестом, а Севины сапоги сушились на балконе.

Несмотря на то, что Сева с Динкой очень старались, всё-таки две большие лужи – с торца дома, со стороны детского сада – остались вчера не промеренными.

Динка как раз стояла на углу и, глядя на раскинувшуюся перед ней длинную и узкую лужу, думала, как её лучше промерить – сразу вдоль или сначала несколько раз поперёк, – когда над её головой вдруг что-то протяжно и гулко загремело, застучало и из водосточной трубы с

шорохом посыпалась снежная крупа, а потом полетели и запрыгали по асфальту куски льда и ледяная крошка. Динка удивилась. Во дворе уже давно нигде не осталось ни льда, ни снега, только в узком проходе за трансформаторной будкой, где вечно была тень, ещё лежал весь почерневший, как будто закопчённый, плоский сугроб. Динка шагнула вперёд и подняла самую большую ледышку. Та была размером как раз с Динкину ладонь и по форме напоминала фасолину. Динка стёрла с ледышки налипший на неё снег и поднесла её поближе к лицу. И ахнула.

Внутри льдинки оказалась целая куча самых разнообразных интересных вещей. Там было множество маленьких застывших воздушных пузырьков, которые весело искрились на солнце. Там был золотистый берёзовый лист с загнутыми, как у старинного книжного свитка, краями. Там, наконец, было маленькое, жёлтое с чёрным, – наверное, синичье – пёрышко.

– Ух ты! – восторженно сказала Динка. – Какой богатый внутренний мир!..

Про внутренний мир она слышала от папы. Папа говорил, что богатым внутренним миром обладают те люди, которые много читают, много путешествуют и, вообще, ведут активный образ жизни. А те люди, которые целыми днями сидят перед телевизором, могут узнать только рекламу и прогноз погоды на завтра. Наверняка, эта льдинка не сидела у телевизора, а вела очень активный образ жизни.

– Ты – Льдинка, а я – Динка, – сказала Динка льдинке. – Мы с тобой почти что тёзки. Так что давай дружить.

Льдинка, разумеется, ничего не ответила. Она только таинственно мерцала разноцветными искорками в своей глубине.

Динка достала из кармана варежку, засунула в неё Льдинку со всем её богатым внутренним миром и бегом понесла находку домой.

Динка поселила Льдинку в морозилке – между початой пачкой пельменей и пакетом, в котором мама зачем-то хранила рыбы головы.

Динка навещала Льдинку поначалу часто, чуть ли не каждый день, потом – реже, но никогда не забывала о ней. Было прикольно, придя с улицы, где уже во всю зеленела листва и проворные ласточки строили свои грязевые домики под крышей, достать из морозилки свою собственную настоящую льдинку. Без Динки Льдинка, наверное, грустила, поскольку покрывалась густой изморозью и затуманивалась, делалась непрозрачной. Но стоило только взять её в руки, подышать на неё и немножечко потереть, как она вновь становилась гладкой и блестящей и открывала для Динки свой загадочный ледяной внутренний мир. Правда, долго поиграть со Льдинкой не удавалось – она начинала таять, капать на пол, а Динкины ладошки замерзали и потом ещё долго были красными и похожими на гусиные лапки.

Но однажды, в субботу, Динка пришла домой и увидела, что холодильник стоит распахнутый настежь, все продукты из него свалены на столе, а мама, что-то напевая себе под нос, протирает тряпкой морозилку. Динка, не разуваясь, бросилась в кухню, заглянула маме через плечо, быстро оглядела стол и, подбежала к раковине. На дне раковины ещё лежало несколько маленьких бесформенных кусочков льда, а на боковой стенке висел прилипший мокрый жёлтый берёзовый лист...

(продолжение на стр.5).

(начало на стр. 4).

Когда домой пришёл папа, Динка сидела в кухне за столом и рыдала в голос.

– Вот те здрастье! – сказал папа. – Это кто у нас тут сырость разводит? По какому поводу слёзы?

Поскольку Динка могла только всхлипывать и звучно икать, рассказывать про погибшую Льдинку пришлось маме.

– Дина, радость моя неопишная, – внимательно выслушав всю историю, сказал папа, – а ведь ты не права! – Динка икнула и подняла зарёванное лицо. – Да-да, не права! – подтвердил папа. – Ты ведь, наверняка, помешала Льдинке. Она ведь, скорее всего, собиралась отправиться в путешествие – со своими подружками по ближайшему ручейку поплыть к морю, – а ты схватила её и заперла... в темницу. Представь, если тебя кто-нибудь вдруг схватит на улице, принесёт домой и запрет в тёмном погребке. Да ещё рядом с какими-нибудь рыбьими головами. Или ногами куриными...

Динка честно представила себе такое, и по её спине побежали крупные мурашки.

– А без тебя, – вдохновенно продолжал папа, – она бы отправилась к морю, повидала бы по пути другие страны, а потом, растаяв и испарившись, поднялась в небо, стала облачком и, вернувшись к нам на следующую зиму, вновь выпала бы снегом... Я тебе ещё не рассказывал про круговорот воды в природе?..

Динка шмыгнула носом и замотала головой. Несколько слезинок сорвались с её ресниц и упали на стол.

– Ну ладно, как-нибудь расскажу... – пообещал папа; он подошёл к Динке, достал из кармана платок и поднёс к Динкиному носу – Динка послушно высморкалась. – Так что плакать не надо. Надо радоваться. Тому, что Льдинка вновь увидела свет. Тому, что отправилась в свой путь к морю. Тому, что сбежала наконец из тюрьмы, куда ты её засадила...

– Ой, Лёша, ну ты скажешь! – мама даже всплеснула руками. – Засадила в тюрьму! Никто никого никуда не засаживал. И никакая это была не тюрьма. Правда, Динка? Это был её домик. Не в шкафу же, в самом деле, льдинку держать! Просто наша дочь вступила в тот возраст, когда детям непременно надо о ком-то заботиться...

– Вот! – сказал папа. – Именно! Я давно уже тебе говорю, что одного ребёнка в семье совершенно недостаточно!

– Перестань! – сейчас же сказала мама. – Мы, кажется, с тобой эту тему уже обсуждали...

– Обсуждали, – подтвердил папа. – Но до конца так и не обсудили.

– Перестань! – повторила мама. – Я совсем другое имею в виду. Я говорю про какое-нибудь домашнее животное...

– Только не кошку! – быстро сказал папа.

– Господи, – снова всплеснула руками мама. – Ну чем тебе так кошки не нравятся?!

– Есть причины, – веско сказал папа. – Есть. Богатый жизненный опыт, понимаешь.

– Ну хорошо, – согласилась мама. – Ладно... А если рыбки? Против аквариума с рыбками ты, надеюсь, ничего не имеешь?

– Рыбки?.. – папа почесал в затылке. – А что... По ночам не орут, в тапки не гадят. Нет, против рыбок я ничего не имею.

– Ну вот и славно, – обрадовалась мама и повернулась к Динке. – Динка, хочешь аквариум с рыбками?

– Аквариум?!..

Динка даже забыла икать. Она видела аквариум совсем недавно – дома у Севы...

В большом, подсвеченном специальной лампой стеклянном кубе, среди причудливых водорослей и удивительных морских раковин плавали всевозможные разноцветные рыбки: золотистые барбусы, пышнохвостые гуппи, перламутровые неончики. А возле самого дна ходили медлительные вислоусые сомики и потешно фыркали в песок. Названия рыбок сообщил Динке Сева – он занимался рыбками уже целый год. Сева даже разрешил Динке покормить рыбок. Динка сыпала в аквариум корм и наблюдала, как забавно рыбки его глотают...

Динка молчала целую минуту. Папа с мамой терпеливо ждали.

– Нет, – со вздохом в конце концов сказала Динка. – Не надо никакого аквариума. Пусть... Пусть все живут на воле...

Владимир Юринов; Андреаполь

Рисунок Ирины Старомужевой; Новосёлки, Жарковский район

• Новое имя

Александр Бондаренко,
Тверь

*Часто бывал в нашем городе
и его окрестностях,
жил и работал на истоке Волги.*

**Я ПО ВРЕМЕНИ
ЗАПЛУТАЛ...**

Я по времени заплутал,
От Калинина до Твери.
Тот же старый Речной вокзал,
Те же тусклые фонари.

Только что-то уже не так.
Только где это – не пойму.
Видно снова попал впросак,
И у времени я в плену.

Словно время замкнуло круг
И в петле по кольцу ведет.
Словно гложет меня недуг
И мешает идти вперед.

Отстегнулись нам от кармы
По червонцу лет жития,
И теперь мы – уже не мы,
Да и я – уж давно не я.

Время вечно и нет границ
Для фантазий его ума.
Безупречно потоком лиц
Заливает меня карма.

Будут новые города,
Будут новые имена,
Из Ничто будут в Никуда
Течь бесстрастные времена.

Я по времени заплутал...

БРОДЯГА

Мне бродягой с рождения выпало стать.
Мне под стать помахать на прощанье рукой
И уйти свою долю по свету искать,
Позабыв навсегда, что такое покой.

Перейден Рубикон. Ноги в руки. Вперед!
Путь зовет познавать времена.
Где закат методично меняет восход,
И кружатся, как снег, имена.

Я по свету бродил, кочевал, колесил
И месил я утробу болот.
Еле-еле порой ноги я уносил,
Но всегда не назад, а вперед.

Я привык. Я не ведаю жизни иной.
Мне покой навеваает такую тоску...
Словно Янус Двуликий дрожащей рукой
Преподносит в подарок мне дуло к виску....

ЗАЛИЗАЛО ВРЕМЯ РАНЫ...

Зализало время раны, стихли стоны, и бураны
Замели мои печали на века.

Как река мои заботы: гладь да тишь, кругом красоты...
Хвать... Да пусто. Только мокрая рука.

И хлестнет обида плетью, умножая лихолетье,
Может быть на месяц. Может быть на год.

Хоровод беды не вечен. Время вновь берет за плечи
И швыряет в будних дел водоворот.

Только снова бесит беса Богом начатая пьеса,
Так и хочет вставить он туда аккорд.

Борт о борт летят крылато ангелки и бесенята,
Этот мой почетный жизненный эскорт.

Лезут в душу без остатка, растворяясь без осадка,
Те и те, ей Богу, славные бойцы.

Мудрецы их различают. Этих бьют, тех привечают,
Ну а мне они, – как братья близнецы.

Что от Бога, что от рога, все равно одна дорога,
Как у всех, – от колыбели до гроба.

И губа опять зажата, и опять душа распята,
Знать такая выпала судьба.

СОСЕДКА

За соседним столом примостилась соседка
В баре полупустом, где бываю я редко.

Мне стучат по спине её томные взгляды,
В кровь сочатся извне её женские яды.

Я сегодня зашел без особого дела,
Просто угол нашел для души и для тела.

Не нужна мне она, да и я ей не нужен,
И не наша вина, что нас свел этот ужин.

Мои мысли сейчас далеки от Ташкента,
Далеки от проказ, и от роли клиента,

Только видно и ей нужно что-то другое:
Из серьезных речей, и душе дорогое.

Сердце бьет меня в грудь, невпопад и некстати.
Я пытаюсь уснуть в одинокой кровати.

И твержу я: «Забудь, хватит, больше не надо,
Первобытную суть её томного взгляда».

ПОСТАФГАНСКИЙ ВАЛЬСОК

Мне не надо гадать, я все знаю, и я не боюсь,
Что, однажды отсюда уйдя, я сюда не вернусь,
Что позарюсь на торную терну заморских дорог
И забуду, как дорог мне дома родного порог.

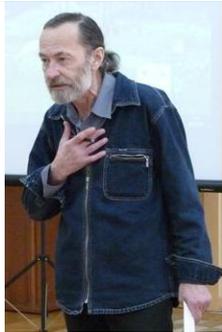
Только с каждым стаканом и днем все мелеет душа,
Без которой за всю свою жизнь я не дам ни гроша,
И пестреет стена идеалов заплатами дыр,
И тускнеет с годами бессмертный когда-то кумир.

И зарубки от прожитых дней паутиной морщин
На лицо натянули соблазны, беда и года.
И когда истребляла война настоящих мужчин,
Я остался в живых. И жалею о том иногда.

И тогда я хочу оказаться опять "за рекой",
И, оставив все распри и склоки родимой стране,
Вдалеке от родных мне пенат со спокойной душой
Вновь почувствовать нужным себя на ненужной войне.

• «Тверской переплёт»
Ефим Беренштейн,
 Тверь

Кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета. Известен своими неординарными университетскими лекциями, научными работами и поэтическими книгами, которые стали событиями в литературной жизни тверского края.

убогая пустыня
 да крыша ночи тёмной
 есть две смешных святыни
 бездумный и бездомный
 беспочвенный на ощупь
 почти что бестелесный
 неимоверно тощий
 и в общем бесполезный
 почти что одичалый
 почти что нет в помине
 давай начнём сначала
 убогая пустыня

попробуй
 оказаться в тишине
 приляг
 закрой глаза
 или как хочешь
 и в этот миг не помни обо мне
 ни днём не помни
 ни конечно ночью

я сам
 мне кажется
 припёрт к стене
 точнее
 к стенке
 для уничтоженья
 и то что ты не помнишь обо мне
 даёт слепую ясность утешенья

уже покорный собственной судьбе
 осознавая
 до чего легко мне
 пронзительно не помню о тебе
 ни днём ни ночью о тебе не помню

Я не уверен
 Что вы правы

Эта роскошная кошка

Шла своей кошачьей дорогой
 Даже не шла
 Она мелькнула
 Как чёрная искра
 Её испуганные глаза
 Подобны звёздам
 После зелёной грозы
 На безоблачном ночном
 Июльском небе
 Мне кажется
 Вам не стоило плевать и креститься
 Вы
 Как я вижу
 Загадили тротуар
 И помянули всуе
 Меня
 А теперь
 Дружок
 Пока
 Как вы поняли
 Большое пока

души отдают богу за так
 а продают сатане
 они ей зачем-то нужны
 а богу-то всё равно
 хотя дура эта ваша сатана
 на кой чёрт ей такой поганый товар
 может разве как заготовка
 а богу всё равно
 всё равно
 все там

кто из вас знает
 столицу рима
 э-э
 никто из вас не знает
 столицу рима
 думаете
 я знаю столицу рима
 да
 конечно
 я знаю
 думаете
 не скажу
 скажу
 вот она
 [и пальцем, пальцем!]

© Новый год!

- Преданья старины глубокой

О КОЛДУНАХ И СВАДЬБАХ

Наверное, каждому из нас знакомо чувство сожаления, что в свое время упустили возможность и не записали чей-то рассказ о традициях и обычаях семьи или деревни, понадеявшись «а потом», «а и так запомню». Вот и я не могу себе простить, что не включала магнитофон, когда мои бабушки Саши (так получилось, что у них были одинаковые имена) начинали вспоминать о своей молодости. Кстати, одинаковому имени находится простое объяснение — они родились с разницей в двенадцать лет, в 1888 и 1900 годах, в один день 21 ноября.

Младшая бабушка Саша очень любила рассказывать нам про деревенские свадьбы. Эти рассказы мы с сестрой слушали как сказки. Особенно те места, где речь шла о деревенских колдунах.

Уже позже, когда я стала работать в музее и изучать местный фольклор, узнала, что колдуны на крестьянских свадьбах были не только обязательными, но и очень почетными гостями. Ведь у вступающих в брак часто бывали завистники, стремящиеся навести на молодую пару порчу или сглаз. Бывали случаи, когда на дорогу по пути свадебного поезда бросали мертвых птиц, чаще всего курицу или петуха, или животных, кошек и собак. Это был недобрый знак, означающий, что молодые в будущем не будут счастливы, что их ждет какая-то беда в совместной жизни.

Отвратить будущие несчастья и должен был местный колдун. Его приглашали в число поезжан, то есть участников свадебного поезда, ехавшего в церковь на венчание и обратно. За столом он сидел в переднем углу, чванился, что-то нашептывал, делал разные таинственные движения. Словом, вел себя так, чтобы о нем на честном пиру не забывали и с ним считались.

Иногда на свадьбах встречалось двое колдунов – тот, кто порчу наводил, и тот, кто должен был ее снять. И между ними вспыхивало своеобразное соревнование.

Помню такой бабушкин рассказ. Свадебный поезд не мог тронуться с места. Как не погоняли лошадей, они вставали на дыбы, выворачивали оглобли, но не шли дальше. Тогда на помощь позвали колдуна. Тот смог успокоить лошадей, и свадьба двинулась дальше. Но тут из толпы вышел старичок, бросивший под ноги лошадям горсть гороху со словами, к сожалению, все я их не помню, а только конец; «... жених и невеста, а кони ни с места». И свадебная процессия снова встала.

Оказывается, для этого заговора нужна была особенная горошина, вернее особый стручок, который в природе встречается крайне редко, с определенным количеством горошин в ней. И брошенные под ноги лошадям со словами заговора они вызывали такой эффект.

После этого и началось между колдунами состязание. К сожалению, не могу вспомнить его все. Помню только кульминацию. Один из них взял камень, сжал его в руках. И из него полилась вода. А второй изрубил редьку, взял измельченную массу в руки, сжал и показал гостям вновь целый плод. После чего свадебный поезд спокойно тронулся в дальнейший путь.

Едва ли бабушка сама была свидетелем всего этого. Скорее просто повторяла нам чьи-то рассказы. Но не такими ли рассказами, услышанными в детстве от своих крепостных нянек, была навеяна идея написания Пушкиным и Жуковским их сказок о спящей и мертвой красавицах?

И не к тем ли далеким почти сказочным временам относится и современный обычай наших невест накалывать на подол своего подвенечного платья многочисленные булавки?

Может, у кого-то из читающих эти строки тоже сохранились в памяти аналогичные бабушкины рассказы о деревенских колдунах? Вот было бы здорово их почитать.

Галина Муратова,
заведующая
Бельским краеведческим музеем

• Пустые страхи

ПЧЕЛА

С детства до ужаса боюсь пчел. Да и вообще всякой живности. Особенно жужжащей, ползающей и шипящей. С моей мнительностью и страхом иногда бывает трудно жить на белом свете.

Вышла я как то в огород сорвать свеженького огурчика на салат, а возле парника пчелы. Да так много, целый рой. Я сразу отказалась от мысли поесть вкусный салат. Отпрянула от парника, но одна, самая шустрая пчела все-таки подлетела и нагло впила мне в руку. Было не очень больно... Но не забывайте про мою мнительность. Моментально в памяти всплыло, что примерно год назад от укуса пчел умер наш сосед напротив. Я зашла в дом и стала готовиться к самому худшему. Мысли посещали самые разные. Рука стала опухать и пугала еще больше. От всего этого голова разболелась и закружилась. Ноги стали ватными. Решено было позвонить в скорую помощь. На той стороне провода меня внимательно выслушали и посоветовали сделать повязку с раствором соды, чтобы снять отёк. Но все же я уговорила их приехать ко мне, так как состояние моё казалось мне практически предсмертным. Мне пообещали, что скоро приедут спасать, и я положила трубку. Паника сохранялась. В ожидании моих спасителей я приняла таблетку. Название не помню, но в тот момент мне казалось, что именно это лекарство даст мне шанс дожить до приезда врачей.

В комнате стало душно, в глазах все плыло. Я села писать записку о том, что со мной произошло, и какую таблетку я приняла. Чтобы в случае чего мои родные могли знать, по какой причине я оставила их. Дрожавшей рукой мое письмо было написано. Скорая все не ехала. И тут в мою больную голову пришла новая, тоже не совсем здоровая мысль. А что если, приедут меня спасать, а мое тело будет почти бездыханным. Как люди смогут зайти в дом, чтобы помочь мне? Осторожно шагая из дома во двор, я оставила ворота открытыми. Вернулась в комнату и открыла окно. Рука была перемотана бинтом, пропитанным содовым раствором. Отечность практически сошла, но боль в голове не проходила, и сердце стучало бешено.

Минуты тянулись. Казалось, что прошел час с момента моего звонка. Я наклонилась на подоконник открытого окна и немного перекинулась через него, чтобы глотнуть свежего воздуха. И новая дурная мысль: я потеряю сознание, повиснув вниз головой. Что обязательно приведет к кровоизлиянию в мозг. Тогда я непременно умру. В этот момент люди в белых халатах вошли в мою комнату. Выслушав мой душещипательный рассказ от начала и до конца, о том, как я в прекрасном молодом возрасте могла покинуть этот мир по причине укуса очень наглой соседской пчелы, сообщили, что таблетка, которую я приняла, обладает противовоспалительным действием и точно бы не помогла от смертельного укуса.

Моя пятая точка опоры приняла удар на себя. Острая игла с лекарственным средством нанесла еще один укус моему телу. Мне моментально полегчало. Я была спасена, жива и практически здорова. Все, кто меня спасал, сидели в карету скорой помощи. А я угостила их свежевыпеченными мною пирожками, поблагодарив за свою спасенную жизнь и надежду на счастливое будущее.

Елена Савельева,
г. Андреаполь

• Реплика зануды

МОЖЕТ ЛИ?

Может ли обычный балабол считаться философом? Может, если его зовут Михаил Жванецкий. По крайней мере редакция журнала "Огонёк" представляет его своим читателям как писателя и философа.

Вот пример мышления "философа" ("Огонёк", 2015г., № 20, стр.8): ".. жить стало хуже? Может быть ... лечиться стало хуже? Может быть ... привычки стали хуже? Может быть ... учиться стали хуже? Может быть ... искусство стало хуже? Может быть ... люди стали хуже? Может быть. Но сама жизнь стала лучше".

Части целого по отдельности стали хуже, но целое в совокупности – лучше. Это тянет либо на Шнобелевскую, либо на очередную Государственную премию за "философское осмысление прелестей российского капитализма". Подскажите ответственному по премиям в правительстве, не упустили бы.

Александр Мальчуков,
Андреаполь

- Молодые голоса

Артём

Виноградов,

Нелидово – Москва

Тишина большого города –
Одиночество.

Перестают быть люди
гордыми

Одну ночь из ста.

Давно нервов провода

Обесточены.

Право изредка страдать

Опорочено.

Извращена сама любовь –

Стала сексом.

Душу в жертву приготовь

Или сердце.

Фёдор Иванов,

Тверь

Жизнь улыбнётся, –

а затем готовь платок.

Особо впечатлительные – тазик.

Под листопадом в парке одинок

любой, кто опоздал на вечный праздник.

500 рублей до будущей среды...

Да я и те спущу почти без толку,

куплю вина бутылку

и цветы,

которые ты выбросишь в помойку.

Шагать легко. Теплеет в животе.

Возможно, и в душе теплеет тоже.

С твоей любви, как с ветки, облетел,

вот потому я так неосторожен,

вот потому так голову кружит,

и я предчувствую, держа дорогу к дому,

что жизнь моя, улыбчивая жизнь,

ещё подложит и свинью мне, и солону...

Елизавета Линкевич,

Андреаполь – Тверь

Снова ветер не тот,

Снова солнце пропало.

Дождь ещё больше льёт –

Даже небо устало...

Снова те же слова,

Снова гадости море,

Снова я неправа –

Сто причин ведь в наборе.

Надоело терпеть,
И моля, и гадая!..
Я хочу улететь,
Как та с чайками стая...

Снова та пустота,
Но не чувствую боли.
Снова слов теснота...
Не мои это роли.

Этот дождь, эти лица –
Разлюбилось всё вскоре –
Перестанут мне сниться,
Я за чайками, в море...

Артём Сидой,

Белый – Москва

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Я вышел из сонной гранитовой пасти,

Дождь протыкал прохожих иглами.

Забав-

Но,

Но

в вихре частых ненастий,

За скучными бренными играми

в друзей и любимых

сквозь тонкость резины,

сквозь горы намёков,

взаимных упрёков,

Совсем позабыли, что лето убито,

Разбито как стены героя-Славянска,

Оставив души пустое корыто.

Опять разойдётся безумная пляска

из душащих стен,

песчинок проблем,

глобальных трагедий,

триумфов, падений...

Пока эти образы ели мой разум

Радуга взрезала тканность небес,

Пропуская по очереди и по 2 сразу

Мотыльки самолётов с винтами и без.

И люди мокросчастливые,

теснимые автомобилями,

разверзли глаза-окошки

напоследок немножко

Захватить уходящего света,

Завернуть осторожно в газету,

Чтоб не разбился, а также искрился

Внутри до нового лета.

• Старые знакомые
Александр Коган,
 Бежецк
С Н Е Г О П А Д

Море снега
 До самого неба,
 И купаются ели
 В снежной нежной купели,
 И купаются звери,
 И купаются люди,
 Будто больше такого мгновенья не будет.

Лепит снег из домов и скамеек фигуры,
 Соучаствую в этом процессе натурой.
 Наслаждаюсь, застывши в немыслимой позе,
 И меня липким снегом тихонько заносит.

Не дышу, нахожу, как всегда, упоенье
 В этом сладостном снегопаденье.
 А вокруг в бесконечном своем хороводе
 Хлопья снега летают себе на свободе.

С В Е Ч А

Потрясенный безмолвием чувств
 В царстве странных страстей и забав,
 Я за счастье ставлю свечу,
 Александра, что значит себя.

Фитилек облекаю огнем,
 И во тьме бесконечной ночи
 Возникает за сонным окном
 Отражение белой свечи.

Брезжит нежный огонь фитиля
 На морозном безбрежном снегу,
 И дыхание долго тая,
 Я его берегу, берегу.

Тает ночь у меня на глазах,
 Тихо плачет свеча за двоих,
 И горячая эта слеза
 Словно капельку счастья таит.

* * *

Какая глупая зима!
 Нет изнуряющих морозов,
 Снежинок частых кутерьма
 Слегка напоминает осень.

Как будто листьев хоровод,
 Метет, метет, метет забвенью,
 В нас грусть осеннюю зовет,
 И мир вокруг меня трезвеет.

И так как падающий снег
 На все взирает исподлобья,

Любимый свет, прекрасный свет
 Стихая гаснет в изголовье.

А набегающая тьма
 Объединяется с лесами,
 «Какая белая зима!» -
 Скрипят в полете дальнем сани.

С Н Е Г О В Ы Е Ч А С Ы

За кружевным бельем зимы
 Зависло медленное время,
 В нем растворялось все, и мы.

Молчало сонмище снежин
 На световых просторах рея,
 И в том светилище я жил.

Жил по любви, не по часам.
 Своим покровом землю грея,
 Снег постепенно угасал.

Н А М О Р О З Е

Хо-о-лодно!
 Аж внутри.
 Руки и сердце стынут.
 Яркие снегири
 И те загрузили.

Кровь превратилась в лед,
 Иней владеет мозгом.
 Зиму всю напролет
 Мерзнем!

Мерзнет кора земли,
 Мерзнут пруды и древа,
 Даже огнем зари
 Неба не обогрело.

Тянем в разгар зимы
 Людям навстречу руки,
 Время придет и мы
 Сможем согреть друг друга.

З И М Н Я Я С К А З К А

За оконной занавеской
 Снег висит.
 Над далеким перелеском
 И вблизи.

Ничего на белом свете
 Больше нет.
 Чистотой меня пометит
 Белый снег.

Завлечен холодной негой
 В тишине.
 Захотелось белым снегом
 Стать и мне...

• Нижегородцы

СКАЗОЧНИК

(В память о папе)

Стоял декабрь. Время новогоднее, все готовятся к празднику. И погода чудесная, сказочная. В самом деле, выйдешь на улицу, а там – красотища! Мороза нет, тепло. Снег так и летит с неба, словно кто-то специально посылает им землю. Пушистый такой, и не снежинки падают, а целые хлопья. Деревья нарядные стоят, как будто нарисованные. Дети во дворах лепят с родителями снежных баб, а ребята постарше катаются на катке. Одним словом, чудо, а не погода!

В старом доме, в однокомнатной квартире, жил писатель – сказочник. Он только что пришел с улицы и был безумно вдохновлен природой. На лице его сияла улыбка, а глаза просто горели. Скоро новый год. Через одиннадцать дней. И нужно срочно, просто срочно, поздравить детишек с праздником и подарить им новогоднюю сказку. Он печатался в одной местной, городской газете. Денег получал немного, да и не в этом дело. Главное, что рукописи печатают, и дети читают сказки.

Сказочник глотнул горячего чая, взял бумагу и ручку и принялся писать. Он всегда работал так: ни машинка, ни компьютер, только бумага и ручка. Он погрузился в работу, создавая новый, волшебный мир.

В углу, у окна, стояла елка. Утром ее нарядил писатель. На новогодней красавице яркими огоньками сверкали гирлянды, отражаясь в разноцветных шарах. Их блики попадали даже на полку, что висела на стене. Здесь стояла небольшая деревянная шкатулка. Вдруг крышка ее приоткрылась, и оттуда выпрыгнул заяц. Он подбежал к самому углу полки и стал наблюдать за елкой.

– Эй, заяц, – послышалось вдруг.

Заяц обернулся и увидел гнома, который тоже выбирался из шкатулки.

– Ты чего делаешь?!

– Тсссс... – предупредил заяц новенького.

– А чего? – уже шепотом спросил гном.

– Дядя Миша работает.

– Ясно. Давно уже не писал. Интересно, кого на этот раз выдумает?!

– Не знаю, – пожал плечами заяц.

Гном подошел к нему ближе.

– Красавица, правда?! – кивнул на елку.

– Да, вроде, как и всегда.

– Эй, чего там?! – послышалось снова.

На этот раз из шкатулки вылезли лисенок, медвежонок, маленький пони и еж. Следом за ними вылетел маленький красный дракончик. Он покружил над комнатой и присел рядом с зайцем и гномом.

– Ну, чего кричите, не видите! – и гном показал на сказочника.

– Ой, дядя Миша все равно за работой, ему не до нас сейчас, – заметил медвежонок.

– О, уже елка стоит. Вчера ее не было.

– Ах, какая красивая, – вздохнул лисенок.

– Да, вроде, как и всегда, – стоял на своем гном.

– Неправда, – возразил еж. – Старый год уходит, и его меняет новый. Значит и елочка наша новая, лучше той, прежней.

– Верно, елочка очень красивая, – мотнув гривой, подтвердил пони.

Дракончик поднялся в воздух и снова пронесся над комнатой. На этот раз он сел на ветку елки. Подошел к большому зеленому шару и стал любоваться. Он смотрел на себя и был очень доволен, потому что отражался зеленым. Дракончик так загляделся, что нечаянно задел шарик мордочкой, тот слетел и разбился.

– Дзинь-нь! – разнеслось по комнате.

Что-то сейчас будет. Сказочные герои тут же попрятались, где могли. Только дракончик никуда не убежал, а замер на ветке. Дядя Миша недоуменно оглянулся, но, так ничего и не поняв, принялся дальше писать.

– Ты это чего?! – возмутились все.

– Ой, простите меня, я не хотел, это нечаянно вышло, – извинился дракончик.

Тут из открытой шкатулки, словно бабочки, вылетели маленькие феи с разноцветными крылышками. Желтые, красные, синие, зеленые... разные, разные. И стали кружиться у елки.

– Осторожней, – предупредил их заяц, – а то дракон уже разбил один шар.

Но те его не слышали, кружась у самой макушки.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

– Они слишком маленькие, – успокоил зайца гном. – И даже если захотят, то не смогут скинуть шар.

Тут в шкатулке заиграла скрипка. Полилась медленная, красивая мелодия. Феи словно танцевали в воздухе, а их разноцветные крылышки чудесно играли в свете гирлянды. Все, очарованные, засмотрелись на них. Но тут момент испортил дядя Миша. Он встал из-за стола и направился к окну. Все снова попрятались. А он смотрел на снегопад, что-то говоря про себя. Когда пошел уже обратно к столу, заметил разбитый шар и, взяв веник с совком, принялся убирать осколки.

– Ой, где это я? – вдруг послышалось со стола.

Все оглянулись и увидели на бумаге девочку в красном платьице, валенках, шапке и шарфе, с желтыми крылышками за спиной. У нее были длинные золотистые волосы, голубые глаза и маленькие губки бантиком.

– Вот и еще одна фея, – прошептал лисенок.

А новенькая, пока не вернулся сказочник, поднялась в воздух, покружилась по комнате и опустилась на елку. Дядя Миша же тем временем как раз убрал осколки и опять принялся писать. Успокоившись, волшебные герои снова вылезли кто откуда и позвали к себе новенькую. И маленькая фея с елки спустилась к ним на полку.

– Интересно, на чем сейчас дядя Миша остановился, – улыбаясь, сказал заяц, поглядывая на новую подругу.

– Кто? – переспросила девчушка.

– Дядя Миша, – ответил ей гном и показал на сказочника, который сейчас усердно работал, – сказочник. Пишет детям сказки. И мы – его герои. Всех нас выдумал он.

Тут из шкатулки вылез эльф. И подошел к своим друзьям.

– Здравствуй, – поздоровался он с незнакомкой.

– Как тебя зовут?

– Я – Лиза, – представилась фея.

– А я – Александр, – и эльф пожал фее ручку. – Какая у тебя холодная ладонь. Интересно, куда тебя дядя Миша отправил?

– Мне и правда очень холодно, – призналась Лиза.

– Подожди немного. Так было со всеми из нас, кто раньше времени покинул свою сказку. Ты просто еще как будто бы там, хотя на самом деле уже здесь, с нами. Возможно, твоя героиня на улице, поэтому тебе и холодно. Подожди чуть-чуть. Сейчас сказка закончится, ты заживешь своей жизнью, – объяснил эльф.

Дядя Миша, поработав с полчаса, наконец, закончил сказку. Прочитал ее еще раз и улыбнулся. Это означало, что она ему понравилась. Удовлетворенно вздохнув, писатель лег спать. Работа сделана и остается только завтра с утра отнести сказку в редакцию.

– А сейчас тебе пора обратно в сказку, – сказал фее эльф. – Но я не хочу. Зачем?!

– Так нужно, чтобы сказка вышла в свет. Ведь без героев она попросту не может существовать, а значит, не будет опубликована. А вот после печати тебя ждет чудесное путешествие. Ты побываешь в каждой семье, в каждом доме, где сказку будут читать детям. А потом снова вернешься к нам. Мы все возвращались. И наш общий дом, наша новая, общая сказка – вот в этой шкатулке, – объяснил маленькой фее эж и показал на шкатулку. – А теперь ступай, пока дядя Миша спит.

– Я буду тебя ждать, – прошептал ей на ухо эльф, помогая надеть шапку.

Лиза помахала всем ручкой и улетела обратно в свою сказку. Друзья проводили ее взглядом. И, тихонечко пожелав дяде Мише сладких снов, спрятались в шкатулку. У всех детских писателей есть такая шкатулка, где живут его сказочные герои. И если ваш друг, знакомый, сосед – детский писатель или сказочник, как дядя Миша, придите к нему в гости, загляните в волшебную коробочку, и вы попадете в новую, никем еще не прочитанную сказку.

Антон Лукин,
село Дивеево

• С музейных полок

СЕЛЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Этот материал был представлен учительницей андреапольской школы №1 Любовью Геннадьевной Острадчук на Краеведческих чтениях в андреапольском музее. Построен он на воспоминаниях её тётки и матери: Марии Николаевны Максимовой и Нины Николаевны Соловьёвой. Обе они уроженки Лучанского сельского совета.

В послевоенное время местные праздники развивались в том же русле, что и государственные, составляя единую праздничную культуру русского народа. И те, и другие представляли собой сложный конгломерат различных элементов, возникших в разное время и в разной среде, традиционных и новых, сельских и городских, русских и общесоветских. Удивительно то, что большая часть описываемых праздников, несмотря на прошедшие десятилетия Советской власти, базировались на русских православных традициях.

Рассказывает Мария Николаевна: *«В послевоенное время Новый год особо не праздновали. Рождество праздновали широко, но по гостям не ходили, каждый в своём доме. Иногда приходили гости из других деревень: из Синькова, Внучек, бывало, что и ночевать оставались. Перед праздником резали барана, готовили студень, тушили картошку, варили щи. Таких щей сейчас не варят. Делали в щи заливку из овса. Зерно просеивали, всё плохое – скоту, а которое хорошее – мололи. Жёрна были у каждого свои. Когда мололи зерно – ставили камень потяжелее. С непросеянной муки замачивали заливку. На кисель такую же заливку делали, только процеживали.*

Варили кашу крахмальную двумя способами. (Приложение №1) Варили и кашу овсяную: овёс парили в печке, откидывали на решето, потом сушили на печи. Сухой овёс толкли в ступе, крылья, мякина высеивались. Выбирали только чистые зёрна на кашу, без кожуры. Кашу варили на молоке. Каша была – вкуснятина, трудно даже высказать.

Молочную лапшу в праздник готовили редко, нужно было много молока. А если гости, то варили кашу пищённую и гречневую. Если тушили картошку – мясо баранину клали, чтобы наваристая была и тушили в печке.

Пирог пекли с картошкой, рыбой, свежей или магазинной. Картошку варили мягко, толкли, вбивали яйцо, раскатывали тесто, на тесто – картошку, наверх рыбу или селёдку, заворачивали в пирог и на противень. Если не хватало своих противней, то брали у соседей. Печки были большие, «вола посадишь – сжарится».

Варили и овсяный кисель. Если была клюква, то варили сладкий кисель. А к киселю, если не было пирогов, то пекли блины. Первосортной муки не было, была 2-й сорт – по 26 копеек. Если пекли из крахмала, то начинали творогом – шульчены. Мазали масло и ставили в нежаркую печь. Кисель подавали на тарелках, а всё остальное – в чашках. Сидит застольца – посредине одна чашка».

Вспоминает Мария Николаевна: *«В святки ходили наряжониками, гадали. Помню, ходили к бабе Верки, у неё были куры. Света же не было, темно, у кого фонарь был. А то с лучиной или впотьмах: поймаем, кто курицу, кто петуха, принесём в избу. Насыпаем на пол зерно, хлеб крошим. Уголь, воду ставили. И смотрим, чья курица, что будет клевать: если зерно или хлеб – жених будет богатый. Если воду пьёт – суженый будет пьяница, если уголь клюёт – будет жених чёрный, ну и смеёмся».*

Вспоминает Нина Николаевна: *«Ходили, кто похрабрее, на ростани гадать в полночь. Вставали, очерчивали круг и слушали, с какой стороны или собака залает, или петух пропоёт, лошадь заржёт. Значит с той стороны будет у того жених или невеста».*

Приложение №1:

1. Варили крахмальную кашу разными способами А) На парном молоке замешивали: вобьёшь 5-6 яиц, сыплешь крахмал, замесишь тесто, чтобы раскатать на столе. Оно должно быть крепковатое, потрёшь его на тёрке, потом ставишь молоко в печку в самый жар, как будет горячее – вытаскиваешь, берёшь протёртое тесто, одной рукой мешаешь, а другой – сыплешь. Как только становится густое – ставишь в печку, смотришь всё время, как поднимется – опять помешаешь. Постоянно нужно следить. И так 2-3 раза. Б) Брали крахмал, лили парное молоко, вбивал 5-6 яиц, сыпали крахмал и творили тесто негусто, замешивали деревянной ложкой и этой же ложкой выливали на сковороду, пекли блины. Затем доводили до кипения молоко, а блины сворачивали вчетверо и резали ножницами в чашки такие червячки. Если заваришь негусто – получается лапша, а если густо – каша. Просто объеденье.

(Автором соблюдены орфография и язык рассказчиков).

На снимке: Л. Г. Острадчук

• Непридуманнные истории

КРОВНАЯ РОДНЯ

Алексей не управился с делами в городе за день и решил переночевать у своей младшей сестры Матильды. Он был старше ее на 10 лет. Кроме Алексея и Матильды у их родителей было еще две сестры. И хотя Матильда была последней, себя она считала очень умной, без конца одергивала старших в разговоре, постоянно давала чаще всего неуместные советы.

По сравнению с братом и сестрами она, действительно, имела образование. Окончила в Осташкове финансовый техникум. По тем временам это было хорошее образование. Занимала неплохие посты в районе. С одного, кстати, ее уволили, и даже разбирали ее поведение на сессии народных депутатов. Однако из этого Матильда не сделала никаких для себя выводов. Перед родственниками она по-прежнему качала права.

Так вот вернемся к Алексею. Не удалось ему тогда благополучно переночевать у Матильды. Только он улегся на кровать, как младшая сестра стала сыпать на него бесконечную брань. Про таких обычно говорят, «как ножом режет». Одно слово больше другого. Не желая выслушивать несправедливые упреки, Алексей среди ночи стал одевать ботинки.

– Ты куда? – удивилась Матильда. – Ведь ночь на дворе.

Алексей ничего не ответил и пошел домой в Луги. Долгим ему показался тот путь. Особенно, когда он проходил мимо деревни Кремено. Слышал, как выли волки. Даже волосы становились дыбом. Он вспоминал, как нянчил свою младшую сестричку, как пестовал ее. Как лучший кусочек отдавал ей, а сам при этом не доедал. И вот она, награда, за то тяжелое детство.

Когда, все же благополучно миновав путь, Алексей вернулся домой, он обнял свою жену и крепко прижал к себе. Марию Ивановну не жаловала родня Алексея. Называла ее волчицей, считала, что их брат с ней несчастлив. Но именно она, а не кровная родня была ему всю жизнь опорой. И не только ему. Никогда ни один человек не ушел из ее дома глубокой ночью.

А от Матильды не он первый уходил. Однажды, когда ей было двенадцать лет, она нянчила свою племянницу Веронику. Старший брат малышки – Денис играл рядом. Было ему тогда три года. Матильда и не заметила, как он ушел из дома. А он направился в деревню Дураково встречать отца, который должен был возвратиться с работы. На груди его висела сумка.

Хорошо, что мальчика увидела его родная тетя, которая шла ему навстречу с работы вместе с мужем. Ребенка вернули обратно и отчитали няньку. Как показала жизнь, от этой кровной родни все убегали прочь.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Миниатюры

Против лома - есть приёмы

Против лома – нет приёма, – такое безнадежное выражение слышала не раз.

Но вот недавно, произошедшее в нашем дворе, заставило меня задуматься, может быть всё же есть приёмы.

А произошло вот что. Живу я в большом многоэтажном доме. Соседи разные вокруг. Одни стараются, чтобы чисто было и за порогом квартиры, другие, не задумываясь, бросают бумажки, одни следят, чтобы свет зря не горел на площадке, другие вообще на это не обращают внимание.

Перед домом есть газон, машин сейчас много, стоянка есть, но зачастую всем места не хватает. Хозяева оставляют свои машины возле дома, если позволяет место.

Но вот появилась очень крутая, как сейчас принято говорить, тачка. «Ну, куда же её красавицу» – подумал хозяин и стал регулярно заезжать на газон. Соседи возмутились и посоветовали не делать этого. Хозяин тачки всех послал и посылал регулярно. Мало этого, когда во дворе клали новый асфальт, он попросил работника из дружественного Таджикистана за определенное вознаграждение сделать ему въезд на газон. Что и было сделано. Опасаясь за своё сокровище, он установил видеокамеру напротив своей «стоянки», чтобы враг не прошёл. Ну, что тут поделаешь?!

И вот осенью весь газон по периметру засадили деревьями. Переживали, вдруг зимой будет много снега, присыпет снежком сажены и окажутся они под колёсами, потому что так уже случалось с кустарником. Но даже небеса услышали наши желания, снега было мало, весна наступила рано, и на саженцах уже появились почки. А тачки не видно. Так красиво стало, а будет ещё лучше.

Светлана Копырюлина,
Смоленск-Андреаполь

• Весёлый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Наш весёлый конкурс набирает силу. Авторы находят всё новые и новые достоинства растений и трав, совершающих с людьми чудодейственные превращения: от любовных приворотов до небывалых лечебных эффектов и даже способности сделать прибегнувших к травяным средствам богатыми.

Присоединяйтесь все, кто знает не названные ещё секретные свойства трав.

Татьяна Головкина (Булкина),

Андреаполь - Калязин

О ДЕНЕЖНОМ ДЕРЕВЕ

*Крассула – она же толстянка,
или "денежное" дерево.*

Нам друзья подарили крассулу –
Посушили нам денег мешок.
Только вот что-то эти посулы
Не сбылись в назначенный срок.

Мы лелеяли, поливали –
Мы запомнили все про мешок –
Только денежки не прибывали,
Не спешили они в кошелек.

Подкормили цветок удобрением –
Стало дерево быстро толстеть.
Поделались с друзьями мнением,
Что немного осталось терпеть.

И красуется наше деревце,
Вширь и ввысь на окошке растёт!
Ну и как же тут не надеяться,
Что богатство к нам валом пойдёт!

• Улыбнись

ПРО ВАЛЮ

В одной деревне маленькой
С названием Вертуши
Жил цветочек аленький
По имени Валюша.

Семья хорошей слыла,
Давалось Вале всё,

Но Валю тяготило
В деревне той житьё.

Зимой большой толпою
Друзья в снежки играли.
Занятие такое
Не радовало Валю.

А летом все подружки
Купались на реке.
Нос морщила Валюшка
И маялась в тоске.

Её зовут на горку,
На озеро иль в клуб,
Валюша, сдвинув бровки,
Ворчала на подруг:

– Вы, девки, бестолковы!
Ну, где тут веселиться?
За счастьем после школы
Уеду я в столицу!

Прошло года четыре.
Валечка в Москве.
Сидит в чужой квартире:
Ну, где же счастье, где?

Зимой зовут подружки
Кататься на каток.
Хмурится Валюшка –
Какой же в этом толк?

Аттракционы, горки,
Музей или кино –
В компьютер Валя смотрит,
Как в лучший мир окно.

Проходят дни, недели.
Снег слетает с крыш.
Валя улетела
За счастьем в Париж!

Исколеси полсвета:
Париж, Милан, Москва...
Куда бы ты ни ехал –
С собой берёшь себя!

**Юлия Алексеева,
Андреаполь**